

Академическое мошенничество и как с ним бороться

Материалы открытого
методического
семинара из цикла
«Как учить юристов»

ЦТЮО

Центр трансформации юридического образования
факультета права НИУ ВШЭ

Академическое мошенничество и как с ним бороться

Расшифровка материалов открытого семинара из цикла
«Как учить юристов» (факультет права НИУ ВШЭ, 26 июля 2023)

Участники:

- Дмитрий Текутьев, к.ю.н., заместитель заведующего ЦТЮО;
- Наталья Шейдякова, эксперт в сфере академического мошенничества, преподаватель лица НИУ ВШЭ ;
- Елизавета Ивашкина, эксперт в сфере академического мошенничества;
- Мария Сергеева, эксперт в сфере академического мошенничества;
- Елена Акельева, сотрудник центра статистики труда и заработной платы ИСТЭЗ НИУ ВШЭ;
- Ольга Шепелева, внештатный преподаватель факультета права НИУ ВШЭ.

Расшифровка и редакция:

- Дарья Ермолаева, стажер ЦТЮО;
- Роман Янковский, к.ю.н., заведующий ЦТЮО.

© Участники, 2023.

Обложку нарисовал ИИ ruDALL-E.

Файл распространяется по лицензии Creative Commons «Attribution-NonCommercial-NoDerivatives» («Атрибуция — Некоммерческое использование — Без производных произведений») 4.0 Всемирная. Вы можете распространять это произведение при условии, что будете делать это бесплатно и не будете вносить изменения в текст. Если вы хотите использовать расшифровку иным способом, свяжитесь с нами.

Содержание

Вступительное слово	5
Наталья Шейдякова. Возмездное написание академических работ.....	6
Елизавета Ивашкина, Мария Сергеева, Елена Акельева. Факторы списывания на дистанционном обучении.....	15
Наталья Шейдякова. Академическое мошенничество глазами преподавателей	20
Дискуссия	29

О нас

Это материал открытого семинара, который провел Центр трансформации юридического образования факультета права НИУ ВШЭ. Мы занимаемся производством новых курсов и образовательных программ, собираем и распространяем лучшие практики и развиваем преподавание права в России.

Наши приоритетные направления:

- Преподавание технологий юристам, программы legal + tech;
- Развитие письменной речи юристов;
- Развитие правовой грамотности у не-юристов.

Мы сотрудничаем с преподавателями, программами и целыми вузами. Собираем материалы, делимся своими наработками, организовываем встречи, проводим воркшопы и курсы для преподавателей. Следить за нашей работой проще всего в [телеграм-канале](#) или [на сайте](#).

Хотите работать с нами? Напишите на transform@hse.ru.

Вступительное слово

Дмитрий Текутьев

Мы продолжаем серию открытых семинаров «Как учить юристов?», где обсуждаем проблемы юридического образования и современные тренды в обучении юристов.

Сегодня мы обсудим тему, которая волнует всех, кто преподает в университете — академическое мошенничество. На мой взгляд, академическое мошенничество в российских вузах не является единичным явлением, действиями отдельных недобросовестных студентов или преподавателей; это системная проблема. В российской системе это, как модно говорить, «не баг, а фича».

Сегодня мы обсудим академическое мошенничество в максимально широком смысле — как любые недобросовестные практики, которые используют студенты и преподаватели: это и плагиат, и выдача чужих работ за свои, и так называемая двойная сдача, когда студенты сдают одну и ту же работу дважды. Это списывание на экзаменах, это использование технических устройств на экзамене и так далее.

Ряд исследований говорят, что студенты из восточной Европы, особенно из постсоветских стран, и западноевропейские студенты по-разному относятся к академическому мошенничеству и, в частности, к списыванию. Если совсем кратко, то у нас отношение к списыванию более позитивное, ну или, скажем так, нейтральное, а у студентов из Западной Европы оно скорее негативное. Это объясняют тем, что у восточноевропейских студентов менее развито конкурентное мышление, что для них обучение — это не игра с нулевой суммой, где есть выигравшие, и есть проигравшие, и где лучшие получают большие карьерные и другие результаты после окончания университета. Для них это, можно сказать, кооперативная игра против системы, против преподавателей, против администрации, против университета. И вследствие такого мировоззрения у нас в университетах формируется определенная академическая культура, которая поощряет, или, как минимум, не препятствует подобным негативным явлениям.

Почему в России списывают больше, чем на Западе, и как с этим бороться — это мы и хотим сегодня обсудить с коллегами и спросить у наших экспертов. Мы пригласили в гости социологов, исследующих академическое мошенничество, его легитимацию и стратегии борьбы, и они представят нам результаты своих исследований.

Возмездное написание академических работ

Наталья Шейдякова

Как и во многих социологических исследованиях, наше пошло, скажем так, от поля. От того, что близко, что знакомо, что на слуху. Тема академического мошенничества, даже по ощущению, без исследования, ощущается обсуждаемой, она витает в воздухе, и при этом не кажется настолько табуированной, как показывают те же какие-то зарубежные исследования.

Мы решили посмотреть, что же происходит в этом поле академического мошенничества. Первое, на что мы обратили внимание — большое количество предшествующих исследований показывает, что академическое мошенничество в России распространено. Есть разные данные: по данным [мониторинга экономики образования](#), около 50% студентов хотя бы единожды списывали домашнюю работу, 19% делают это постоянно. В другом [исследовании](#), проведенном Малышонок и Шмелевой, было выяснено, что вплоть до 84% студентов, причем студентов из топовых вузов России, участвующих в программе 5-100, то есть рейтинговых и селективных вузов, так или иначе использовали плагиат в своих работах. 58% сдавали заказанные работы, 56% списывали на экзамене. Цифры действительно очень большие.

Есть и второй момент: мошенничество не только распространено, но и встречает достаточно лояльное отношение. По другому [исследованию](#) Шмелевой, например, в ответ на вопрос, что должно следовать за академическое мошенничество, студенты ответили, что максимум можно поставить неудовлетворительную оценку. Только 2% студентов соглашались с идеей, что нужно обратиться в деканат, далее обратиться в администрацию вуза, поставить в известность и запустить какие-то более серьезные дисциплинарные меры.

Мы констатируем распространенность академического мошенничества в России и определенную толерантность к нему. Есть толерантность и со стороны преподавателей. Малышонок и Шмелева в [исследованиях](#) выяснили, что российские преподаватели в ответ на списывание или плагиат ограничиваются либо снижением балла за работу, либо аннулированием работы. Но опять же не сообщают в деканат, не пишут служебные записки, не начинают дисциплинарные разбирательства.

Соответственно, возник вопрос как это работает и почему. Мы исследовали конкретно заказ академических работ за деньги.

Почему мы выбрали эту тему?

Плагиат и списывание многократно исследовались. И да, действительно, эти явления считаются достаточно морально приемлемыми. Но заказ работ – это специфическая история. Когда я говорила с преподавателями, со студентами, стало понятно, что заказ работ в некотором смысле является ультимативным злом, потому что:

1. Заказ работ сложнее всего отслеживать. В списывании вы можете увидеть человека со шпаргалкой, увидеть человека с телефоном. В плагиате есть антиплагиат. Сравнивать заказные работы на антиплагиат тяжело, потому что если работа авторская, то антиплагиат вам ничего не покажет.
2. Заказ работ предполагает минимальное вовлечение человека, участвующего в мошенничестве. В том смысле, что если я заказываю работу, мне даже не нужно тратить время на то, чтобы перефразировать мысли, как при плагиате. Я просто заплачу своему контрагенту и пойду дальше.
3. Рыночные отношения, которые предполагают появление профессионального сегмента академических мошенников, людей, зарабатывающих этим себе на жизнь.

Мы поговорили с заказчиками. Это было маленькое исследование, в том числе, из-за чувствительной темы. Конечно, сложно находить людей, которые расскажут, что они заказывали работу, как, почему. Но с помощью личных контактов мы смогли собрать 21 интервью со студентами из ТОП-5 московских вузов: МГУ, МФТИ МИФИ, НИУ ВШЭ, МГИМО. Участвовали и менее рейтинговые вузы. У нас были студенты, которые имели разовый опыт заказа работ, периодический опыт заказа и те, кто являлись постоянными заказчиками.

Вот самое интересное из наших выводов. Человек решает заказать работу, что происходит в его голове?

1. **Мотивы, предпосылки заказа работы.** Студенты, описывая свой первый заказ, говорят о недостатке своего образовательного бэкграунда.

Это касается, например, формата. Допустим, человек приходит на первый курс университета, и он не знает, как писать эссе, он никогда эссе не писал. Дальше — он никогда не писал курсовую, он не знает, как это делать, поэтому умывает руки. Человеку легче заказать.

2. Заказ работ — это скорее не школьная, а **чисто университетская история**. Все-таки в школах работы редко заказывают (забегая вперед, скажу, что в лицее НИУ ВШЭ эта проблема есть). Но в целом списывание и плагиат начинается еще в школе, и в этом смысле многие уже умеют это делать и чувствуют себя комфортно, потому что понимают, что эта стратегия работает.
3. **Незаинтересованность в изучении отдельных предметов**. Объясняется это примерно так: человек учится на медицинском, у него в программе стоит философия. Зачем ему изучать философию? Она ему не нужна. Человек лучше закажет, чем будет тратить на это время.

Незаинтересованность может быть и в изучении большого количества предметов. Частично, конечно, это касается непрофильных предметов, и в этом смысле решение принимается достаточно легко, судя по тому, как рассуждают студенты, в отношении непрофильных предметов. Там моральных проблем практически не возникает. Если предмет воспринимается как ненужный, воспринимается как недостаточно практико-ориентированный, перспективный и так далее, то почему нет.

Но это может касаться не только самого предмета, но и образовательного процесса. То есть, может быть, философия не нужна медикам, а может быть, предмет и полезный, но преподаватель не объясняет, информация устарела, форматы заданий не развивающие, не имеют практического применения. Студент в таком случае не может понять: зачем ему это делать?

Кейс из моей практики, раз уж я вспомнила про лицей. В лицее я впервые столкнулась с заказом работ, когда обсуждала с коллегами мошенничество лицеистов. И первое, о чем они начали мне рассказывать — это рефераты по истории экономики, экономической мысли. Главным аргументом, который я от них услышала, было: зачем писать реферат? Чему меня научит реферат?

Как преподавателю мне, может быть, очевидно, чему научат рефераты. Умению анализировать информацию, компилировать мысли, сравнивать различные идеи. Но для студентов это простой пересказ мыслей Адама Смита.

4. **Неудовлетворенность образовательным процессом**. Есть такое ощущение, что современный студент меньше готов ждать, он все-таки хочет больше практичности от своего образования здесь и сейчас. И в тот момент, когда он сталкивается с чем-то, что кажется пережитком бюрократии или какой-то бесполезной деятельностью, он идет по пути наименьшего сопротивления.

5. Наконец, **нехватка времени**, на что постоянно указывают респонденты. У студента не было времени, он не успевал. Это может быть из-за того, что учебный план слишком насыщенный, из-за совмещения работы с учебой. Опять же, выборка у нас небольшая, так что я не могу говорить количественно, но действительно у большого количества людей из выборки наших заказчиков параллельно с учебой присутствует еще и работа. Это можно обсудить отдельно — почему студенты выбирают совмещать, а не посвящают все свое время учебе.

Мотивы заказа работ

Как студенты объясняют себе то, почему они заказывают работу?

- «Я не знаю, как выполнять задание, я не понимаю формат»;
- «Я привык»;
- «Мне не нужен этот предмет, не нужны эти задания»;
- «Преподаватель не объясняет»;
- «Все это бесполезно»;
- «У меня нет времени».

Да, понятно, у всего этого есть чисто личный уровень – конкретный студент, которому не интересна философия. А есть какие-то системные вопросы.

Если говорить о системных вещах, вот с чем может быть связано мошенничество:

МОТИВАЦИЯ К ЗАКАЗУ РАБОТ	ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
Недостаток образовательного бэкграунда	<ul style="list-style-type: none"> • Различный уровень подготовки в школах; • Школа не готовит к вузовскому формату обучения; • Некорректный отбор студентов.
Сформировавшиеся в школе стратегии обучения	В школах распространено списывание в школе, в т. ч. из-за отсутствия контроля, простоты списывания и т. д.

Незаинтересованность в изучении отдельных предметов	<ul style="list-style-type: none"> • Студент поступил на непривлекательную программу • Недостаточно выборных учебных дисциплин; • Изучение предметов общего цикла.
Неудовлетворенность образовательным процессом	<ul style="list-style-type: none"> • Качество или формат преподавания не соответствует запросам студентов; • Используются «непривлекательные» форматы заданий; • Оценивание чрезмерно строгое или необъективное.
Нехватка времени	<ul style="list-style-type: none"> • Чрезмерная учебная нагрузка; • Совмещение работы и учебы при приоритете работы.

Академическое мошенничество не существует только в университете. Все начинается со школы, с толерантности к списыванию. Далее — переход от школьного обучения к университетскому, которое для некоторых студентов становится шоком.

Далее — наполнение образовательных программ. В том числе, видимо, тот факт, что у студентов недостаточно свободы в выборе дисциплин — по крайней мере, об этом говорят студенты. Частично проблема в том, что они не понимают, зачем им этот курс или этот формат оценивания.

Барьеры при заказе работ

БАРЬЕРЫ ДЛЯ ЗАКАЗА РАБОТ

СПОСОБЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ СРЕДИ СТУДЕНТОВ

Финансовые трудности:

- высокая стоимость работы,
- отсутствие собственных средств,
- Выбирают более доступных исполнителей;
- Легитимируют траты через ценность свободного времени,

- нежелание тратить деньги на заказ.

ментального здоровья и трудовой деятельности.

Технические трудности:

- отсутствие знаний о рынке и о способах поведения,
- страх быть пойманным.

Групповые:

- контактируют со студентами, включенными в рынок,
- обретают уверенность в групповых практиках.

Институциональные:

- неразвитая система контроля,
- формат заданий, «удобный» для заказа,
- преподаватели не заинтересованы в отслеживании заказов,
- неразвиты нормы академической этики.

Моральные и психологические трудности:

- «синдром отличника»,
- ощущение «нечестности» по отношению к коллегам,
- стыд перед родителями и перед собой за лень, несамостоятельность и т.д.

- сокрытие информации о заказе или открытость внутри студенческого сообщества,
- использование способов легитимации заказа;
- институциональные факторы — неразвитость норм академической этики.

Вот с какими препятствиями сталкиваются студенты. Да, здесь специфичные проблемы для заказа работ: финансовые трудности, технические трудности, связанные с отсутствием знаний о рынке, о том, как заказывать, у кого заказывать, как себя вести.

Но эта проблема легко преодолевается с помощью ближайшего окружения. Как студенты чаще всего приходят к заказу работы? Примерно так: «Я жаловался старшекурсникам, что не успеваю сделать эссе, а они мне сказали: — Зачем ты его пишешь, закажи!».

Здесь как раз присутствует момент академической культуры — или, вернее сказать, отсутствия такой культуры, а также момент понимания, что

можно поделиться вопросами заказа работ, узнать о рынке заказа от других студентов, что это не зазорно.

Ну и что касается моральных и психологических трудностей, здесь начинается самое интересное для нашей сегодняшней темы. Мы говорили конкретно с заказчиками, и поняли, что для них в заказе нет большой моральной проблемы или они ее успешно преодолевают.

Моральные вопросы

Какие моральные проблемы возникали, в какой момент студенты чувствовали себя некомфортно, заказывая работу? Обычно это никак не связано с абстрактной академической этикой. Аргумент, что было тяжело заказать, потому что это неэтично – встретился нам только у одной девушки. Мне кажется, сейчас она учится в аспирантуре. Все остальные же говорили о моральных трудностях в другом контексте:

1. Синдром отличника, ощущение, что нужно сделать самому, чтобы доказать окружающим, что ты молодец, можешь сделать все сам.
2. Дискомфорт по отношению к преподавателю, когда с ним есть доверительные отношения.
3. Дискомфорт по отношению к другим студентам. Одна девушка сравнивала заказ с фотошопом, говоря, что некорректно выставлять фотографии с фотошопом в интернет, потому что люди получают неправильное впечатление о тебе. То же самое и с заказом работы.

Но в целом, как видите, психологические трудности у студентов несущественные в сравнении с тем, что мы, преподаватели, себе представляем. Академическая этика сама по себе играет для них меньшую роль. Это может быть связано с непониманием норм академической этики или с отсутствием институционального закрепления этих норм.

Легитимация заказа работ

Если у студентов возникают психологические и моральные трудности, как они их решают? Существует 5 основных стратегий легитимации, то есть того, как студенты оправдывают свои действия:

1. **Приоритизация субъективного благополучия.** «Учеба вызывает у меня стресс», «я слишком сильно болею, не могу заставить себя подняться и сделать реферат». Для студента собственное благополучие приоритетнее, чем академическая честность.

2. **Желание минимизировать издержки.** Студент объясняет, что придерживается «умного» подхода к учебе, вроде «work smart not hard». Это идея, что всегда нужно работать оптимально, сокращать издержки. Соответственно, если нужно 20 часов на написание эссе, а студент не понимает, какова его польза — он не готов тратить эти 20 часов, я заказываю. Он минимизирует свои временные издержки, сдавая этот элемент контроля с наименьшими усилиями.
3. **Академическая этика.** Я уже упоминала, что в моральной системе координат студентов академическая этика играет меньшую роль, чем мы представляем. Но иногда они ссылаются на академическую этику для легитимации своих действий. Если преподаватели тоже ведут себя нечестно, то вопрос академической этики в целом снимается с повестки. Например, если студент считает, что преподаватель сам пишет работы (рассказывали про случаи, когда преподаватели якобы писали работы на заказ по своим же курсам или по курсам, которые ранее читали).
4. **Отсутствие априорной ценности у оценок.** Я уже говорила про непонимание пользы. Польза может выражаться в двух вариантах: работа чему-то научит студента или работа даст ему отличную оценку. И во втором случае возникает вопрос, насколько студенту нужна эта пятерка и зачем она ему.
5. **Мошенничество часто легитимируется через цели обучения в университете.** Студентка пришла получить практическое образование, она хочет стать, к примеру, юристом. В таком случае все, что не относится к юриспруденции, она может не выполнять.

С этим я сталкивалась в лицее, когда преподавала у будущих юристов. Они спрашивали: «Зачем мне социология, чтобы стать успешным юристом?» Если человек не считает, что ему нужна социология для работы юристом, то у него нет моральной дилеммы с тем, чтобы предпринимать нечестные действия в отношении предмета.

Ну и бывают студенты, которые откровенно заявляют: пришел «ради корочки». А если студент учится только ради формального диплома, то в принципе не важно, полезно ли для него задание или нет. Студенту все равно, ему нужно получить диплом, и в таком случае легитимируется практически любое действие. Моральная дилемма в таком случае исчезает, снимается с повестки.

Выводы

У студентов, заказывающих работы, такой заказ не вызывал больших моральных терзаний. Моральные дилеммы возникали в плоскости межличностных отношений: мне неловко перед родителями, перед преподавателем, перед одногруппниками. Но не перед университетом, никто не думает, что своим действием разваливает систему высшего образования.

У студентов, заказывающих работы, складывается впечатление, что все окружающие, если не заказывают работы, то так или иначе списывают, занимаются плагиатом. У них нет ощущения, что они относятся к какой-то отдельной категории нечестных студентов. За отдельными исключениями они аргументировали это по принципу «каждый выживает, как умеет».

Из системных причин:

- наполнение образовательных программ,
- непонимание студентами ценности отдельных дисциплин,
- смещенные групповые ценности в отношении академической этики,
- некорректный формат или постановка заданий.

Пару слов о последней причине. Формат заданий может облегчать мошенничество — к примеру, если работы защищаются, то заказать их сложнее, чем если работы просто сдаются. Или если темы работ уникальны, то сложнее найти студента, писавшего эссе на ту же тему, чтобы воспроизвести его работу.

Факторы списывания на дистанционном обучении

Елизавета Ивашкина, Мария Сергеева,
Елена Акельева

2 года назад мы провели количественное исследование, исследовав специфику академического мошенничества на дистанционном обучении. Мы посмотрели, как меняется приемлемость списывания среди студентов российских вузов. Мы фокусировались на списывании во время экзамена, не изучали списывание иных работ, а также другие виды мошенничества — покупку работ или плагиат.

В России академическое мошенничество распространено несколько больше, чем в других странах. Это отмечают как российские исследователи, так и [зарубежные](#). Академическое мошенничество на дистанционном обучении также в среднем выше, чем при очном. Поэтому в момент, когда мы перешли на дистанционное обучение из-за пандемии, частота мошенничества выросла, и возникла проблема, как организовать обучение, чтобы оно не приводило к еще большему списыванию. В своем исследовании мы изучили, что может влиять на восприятие приемлемости мошенничества и как оно меняется.

За основу мы берем гипотезу, что академическое мошенничество – это девиантное поведение по [Роберту Мертону](#), и оно возникает при определенном уровне напряжения студента. Когда напряжение увеличивается, тогда и условная приемлемость мошенничества будет увеличиваться.

Чтобы проверить эту гипотезу, мы использовали три ситуативных фактора, влияющих на напряжение студента:

- формат экзамена (эссе, лабораторная работа, либо тест);
- уровень дистанционного контроля (количество камер, прокторинг и т.п.);
- соответствие экзамена пройденной программе.

Мы предполагали, что:

- на экзамене в форме теста приемлемость списывания будет куда выше, чем на экзамене в виде эссе или лабораторной работы;

- чем выше уровень дистанционного контроля, тем ниже приемлемость списывания;
- если экзамен соответствует пройденной программе (то есть спрашивают то, что проходили), приемлемость будет ниже.

Мы провели опрос в мае 2021 года, используя смешанный дизайн, с меж- и внутрисубъектными факторами. Для исследования приемлемости, мы разработали гипотетические ситуации, в которых варьировалось три ситуативных фактора:

- формат экзамена,
- уровень дистанционного контроля,
- соответствие или несоответствие экзамена пройденной программе.

Пример виньетки:

Наташа учится в университете на дистанционном обучении. Ей нужно сдать экзамен в дистанционном формате с включенной камерой и микрофоном, демонстрацией экрана и стола. Экзамен предполагает написание эссе, направленного на анализ и критический разбор поставленной проблемы. Темы эссе соответствуют пройденным в рамках курса. Она не успевает подготовиться к данному экзамену и списывает его.

Как вы считаете, насколько приемлемо или неприемлемо поступила Наташа в этой ситуации?

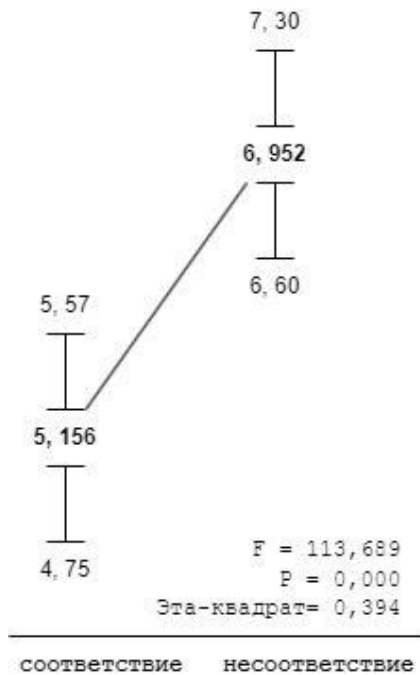
Участники были отобраны путем самоотбора среди студентов российских вузов, через прохождение опроса по объявлениям в социальных сетях. Финальная выборка составила 177 студентов в возрасте от 16 до 28 лет, 77% которых были женщины. Был некоторый гендерный дисбаланс, но поскольку наше исследование было экспериментальным по дизайну, репрезентативность выборки имела меньшее значение.

Приемлемость мошенничества оценивалась по шкале от 0 до 10, где 0 – полностью неприемлемо, а 10 – полностью приемлемо. Мы проводили анализ данных при помощи дисперсионного анализа с повторными измерениями. Во внутрисубъектные факторы мы выделили формат экзамена и его соответствие программе. А как межсубъектный фактор – уровень контроля.

Выводы

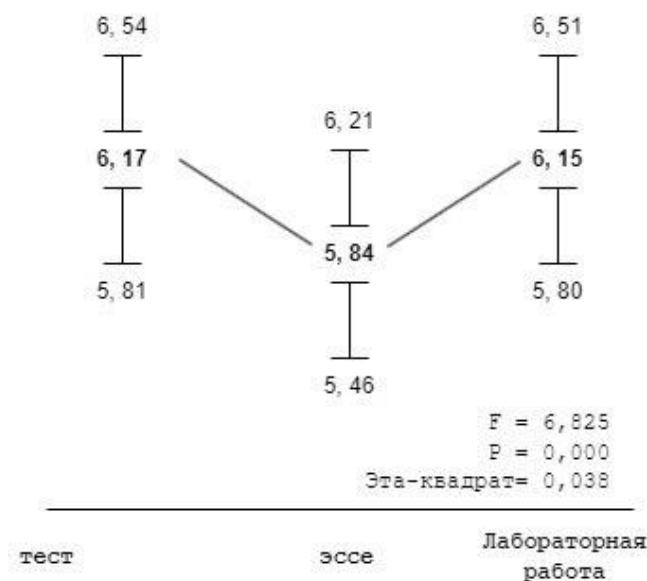
Наши результаты показали, что содержание и формат экзамена являются значимыми факторами для списывания, а вот уровень дистанционного контроля — нет. Можно сделать вывод, что исследования по поводу списывания на очных экзаменах вполне применимы к дистанционному обучению.

1. Соответствует ли экзамен программе?

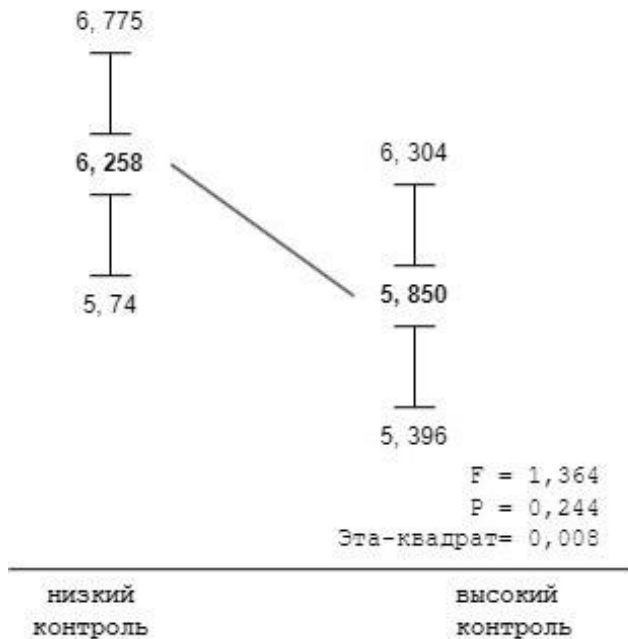
Как и ожидалось, списывание воспринимается как более приемлемое при несоответствии экзамена программе.

2. Как формат экзамена влияет на терпимость к списыванию?

При проведении экзамена в формате закрытого теста с вариантами ответа студенты также терпимее относятся к списыванию. На лабораторной работе они воспринимают списывание чуть менее приемлемо; наименее терпимо студенты относятся к списыванию эссе.

3. Как уровень контроля во время экзамена влияет на терпимость к списыванию?

Уровень дистанционного контроля не является значимым фактором в отношении терпимости к списыванию.

Помимо ситуационных факторов мы учитывали показатели внутренней и внешней мотивации. Мы давали студентам набор суждений, описывающих разные аспекты учебной мотивации — например, нацелен ли студент в образовании на получения формального диплома. Ведь если у человека мотивация — получить «корочку» и ему в целом не особенно интересно, что происходит в университете, то для него скорее всего списывание будет более приемлемым. Другой результат мы получим для студентов с внутренней мотивацией, которым важны именно знания и навыки.

В итоге оказалось, что списывание самих студентов соотносилось с их оценками приемлемости. То есть чем более приемлемым студент считает списывание, тем вероятнее он спишет сам. Это подтверждает, что на основе приемлемости (отношения к списыванию) можно оценивать реальное поведение студентов (списывают ли они сами).

При этом интересно, что списывание у однокурсников большинство отмечает как очень высокое; в целом каждый студент склонен считать, что однокурсники списывают чаще, чем он.

Рекомендации для преподавателей

Возможные стратегии для преподавателей при разработке экзаменов и при составлении программ:

1. Если ориентировать курсы на профессиональную мотивацию и развитие компетенций студентов, те с меньшей вероятностью будут списывать.
2. Если экзамен соответствует программе, он вызывает больше интереса и на нем меньше списывают.
3. Студенты менее толерантны к списыванию эссе. Возможно, это связано с тем, что эссе предполагает большее участие студента, большую креативность и гибкость.
4. Включение в экзамен более гибких, открытых, аналитических вопросов также может снизить списывание, причем как на дистанционных, так и на очных экзаменах. Поскольку эссе как формат более применимо к гуманитарным направлениям, для других направлений, возможно, больше подойдет расширение и дополнение традиционного формата экзамена.

Академическое мошенничество глазами преподавателей

Наталья Шейдякова

Исследований по поводу академического мошенничества немало, и в России, и тем более за рубежом. Но практически все эти исследования используют точку зрения студентов: как студенты принимают решение, как они относятся к разным видам мошенничества, насколько это распространено среди них и так далее. Но совсем немногие исследования затрагивают преподавателей, их точку зрения и то, как они борются с мошенничеством на практике.

Существуют [исследования](#) Шмелевой и коллег, связанные с тем, как преподаватели реагируют на мошенничество. Они показывают, что в отношении списывания около 20% считают необходимым, обнаружив списывание, сделать устное замечание, 27% считают необходимым снизить оценку. При этом вариант аннулировать работу и применять дополнительные дисциплинарные меры не очень популярен. Аналогично в отношении плагиата: хотя уже 40% преподавателей считают необходимым аннулировать работу за плагиат, немногие готовы к дисциплинарным мерам, к обращению в учебную часть.

Я говорю про исследования российских преподавателей. В сравнительном исследовании было показано, что в США преподаватели скорее готовы обратиться в учебную часть. Это не значит, что на практике за рубежом ситуация всегда лучше, и мошенничество жестко пресекается. Но как минимум на уровне исследований возникла такая разница в том, что преподаватели считают необходимым, справедливым, закономерным в отношении нечестных студентов.

Возникает вопрос: почему? Почему на практике преподаватели не так часто обращаются к серьезным мерам борьбы с мошенничеством? Почему они не применяют к студентам дисциплинарных мер?

По этому поводу есть только два исследования: [исследование](#) Кит-Шпигель и [исследование](#) Райта. Оба проведены в конце прошлого века. Они говорят о том, что преподаватели могут недостаточно жестко реагировать на мошенничество из-за сложности процесса доказывания. Чтобы установить факт мошенничества, нужны доказательства; чтобы найти эти доказательства, а потом защитить их при дальнейшем разбирательстве,

нужно слишком много времени и сил. Также преподаватели испытывают стресс от процесса; чтобы преследовать мошенничество, нужно проявить известную решимость, а это нервы, тревога, стресс и так далее.

Отсюда можно вывести несколько гипотез о том, почему преподаватели не всегда прибегают к жестким мерам борьбы с академическим мошенничеством. Это действительно трудоемкий процесс — с этим я частично столкнулась и на практике, и в исследовании, об этом говорили многие преподаватели. В особенной степени это касается заказа работ, потому что стопроцентно доказать его практически невозможно.

В своем исследовании я общалась с преподавателями Высшей школы экономики с четырех факультетов: социальных наук, гуманитарных наук, экономических наук и факультета права.

Методология исследования

1. Метод сбора данных: глубинное полуструктурированное интервью.
2. Выборка: преподаватели НИУ ВШЭ:
 - 2.1 Занятые на 4 факультетах (ФСН, ФГН, ФЭН, ФП);
 - 2.2 С разным опытом работы (до 3 лет, от 3 до 10 лет, более 10 лет).
3. Способы рекрутирования информантов: личные контакты, рекомендации учащихся, рекомендации информантов, случайный выбор подходящих информантов.
4. Эмпирическая база: 10 интервью, длительностью от 43 до 78 минут.
5. Метод анализа данных: открытое и осевое кодирование полученных данных и последующее тематическое кодирование с использованием категорий Л. Болтански и Л. Тевено (режим справедливости, принцип эквивалентности, гармоничная фигура естественного порядка).

Тема чувствительная, и мне было сложно найти респондентов. Не каждый преподаватель готов рассказать, почему он не пишет служебных записок, не инициирует разбирательства. Поэтому все преподаватели, с кем я в итоге общалась, были моими знакомыми — либо преподавали у меня, либо еще как-то лично были связаны. Это надо учитывать. С другой стороны, их аргументы и выводы кажутся достаточно искренними, в том числе потому, что они поделились очень откровенными вещами.

Я рассмотрела около 10 случаев плагиата; в трех случаях преподаватели инициировали дисциплинарную процедуру. В Вышке при обнаружении мошенничества предусмотрено аннулирование работы и уведомление

факультета. Только два человека прошли по этому пути и так или иначе добились успеха.

На практике подтверждается, что преподаватели чаще всего ограничиваются либо аннулированием оценки, либо другими, еще более лояльными мерами. У этого есть несколько причин.

Что такое академическое мошенничество?

Почему преподаватели прибегают к тем или иным мерам борьбы с мошенничеством? Давайте посмотрим на ситуацию их взглядом и сравним со взглядом студентов.

Я обнаружила, что понятие академического мошенничества на самом деле не так очевидно ни для преподавателей, ни для студентов. Есть очевидные вещи — списывание, плагиат и заказ работ, но есть и серая зона: например, большую дискуссию вызывает самоплагиат или двойная сдача работы (когда человек сдает одну и ту же работу дважды). По правилам Вышки эти практики запрещены, но я выявила, что не все студенты с этим согласны. Согласно другим [исследованиям](#), у преподавателей также различаются точки зрения на эти виды мошенничества.

Например, не все рассматривают самоплагиат как нарушение, поскольку работа является интеллектуальной собственностью студента, и даже если он сдает ее повторно, то нарушения интеллектуальных прав не происходит. Не все порицают двойную сдачу. Допустим, темы работ на разных курсах близки (например, студент написал междисциплинарную курсовую и сдал ее по разным кафедрам). Формально цель работы выполнена: студент написал и сдал курсовую работу на требуемую тему.

Также к «серой зоне» можно отнести коллективную работу над индивидуальным заданием. Например, студенты собрались впятером и вместе сделали домашнюю работу (нашли решение, вместе что-то придумывали и так далее). В итоге у них похожие работы, потому что они работали вместе. С одной стороны, задание индивидуальное; с другой стороны, каждый получил полный объем знаний при подготовке работы, а также самостоятельно набрал текст. Считается ли это мошенничеством или нет?

Коллега, которая преподает анализ данных, рассказывала мне, что в ее дисциплине (и вообще в технических дисциплинах) ответы могут быть очень похожи по объективным причинам. Если вы анализируете один набор данных, результаты будут похожи. Аналогично, к примеру, с задачей по экономике. Поэтому сложно и отследить коллективные решения

технически, и установить абсолютные правила для определения приемлемости или неприемлемости таких решений.

Когда мы обсуждали, что такое академическое мошенничество, респонденты называли и другие, менее существенные формы мошенничества наподобие умышленного нарушения правил сдачи работы — например, сдача работы после дедлайна или сдача не своего варианта. Категория мошенничества не так монолитна, как может восприниматься.

На основании интервью я выделила 10 категорий того, что считать мошенничеством. Это:

«Классические» виды мошенничества:

1. Заказ работы, в том числе написание и посредничество в заказе;
2. Подлог;
3. Плагиат;
4. Списывание;
5. Самоплагиат;

«Неклассические» виды:

6. Написание работы с использованием искусственного интеллекта;
7. Коллективная работа над индивидуальным заданием;
8. Намеренное нарушение требований выполнения письменного задания;
9. Нарушение требований сдачи работы;
10. Попытка повесить оценку вне процедуры оценивания, предусмотренной программой.

Я дифференцировала их по моральной приемлемости и допустимости. Я узнавала лишь отношение респондентов, основанное на морали, безотносительно последствий или каких-то формальных правил. То есть то, какие формы мошенничества преподаватели считают наиболее и наименее приемлемыми:

- Наименее приемлимые — заказ работы и плагиат.
- Наиболее приемлимые — списывание (в случае, если при этом студент разбирается в материале) и самоплагиат

Я также заметила, что академическое мошенничество по-разному понимают преподаватели разных дисциплин. Например, на одном курсе самоплагиат могут считать нормой, на другом — нет; у студентов возникает

когнитивный диссонанс. Или на одном курсе им объясняют, что мошенничать нельзя, потому что это неприлично по отношению к преподавателю, а на другом — что это мешает развивать знания. Появляется расхождение и непонимание.

Я встречала расхождения внутри факультетов. Выборка была небольшой, поэтому я не могу сказать: «на факультете компьютерных наук думают вот так, а на факультете права так». Но у меня точно есть ощущение, что расхождения есть, в том числе и между преподавателями одного факультета.

От чего зависит отношение к мошенничеству?

На основе ответов респондентов я вывела несколько критериев, посредством которых они определяют мошенничество и его уровень.

1. Самый простой, рамочный критерий — **нормативный**. Мошенничество – это нарушение установленных правил. Соответственно, если двойная сдача запрещена правилами вуза – это мошенничество, если нет — то нет. Если экзамен в формате open book (с полным доступом к источникам), то логично, что его нельзя списать в привычном смысле.

Но к этому критерию есть вопросы. Он формальный, и некоторые его реализации сами преподаватели воспринимают как формальность. Например, если мы устанавливаем минимальный уровень оригинальности в 80% по системе «Антиплагиат»: получается, что работа с 81% оригинальна, а с 79% — мошенничество?

2. Критерий **индивидуального усилия**. Самое страшное мошенничество с точки зрения респондентов — когда студент не делает ничего. Если студент сделал хотя бы что-то, это лучше, чем ничего. Например, списывание со шпаргалки оценивается лучше, чем списывание с телефона, потому что студент сам подготовил шпаргалку.
3. Способность, скажем так, **развития и демонстрации полученных знаний и навыков**. Например, в контексте заказа работ: студент заказал эссе, но прочитал, осмыслил и может защитить. Технически нельзя поспорить, что он знает информацию в этом эссе. Или, как бывает в технических вузах: студент не сам подготовил чертеж, но понимает, что в этом чертеже происходит. Какие-то знания таким образом появляются.
4. То, насколько мошенничество **вредит другим студентам**. Этот момент затрагивали преподаватели в своих интервью. Студентов сравнивают между собой на основании их работ; мошенничество делает

сравнение необъективным. Один студент пишет экзамен сам, другой списывает. Как мы расположим их в рейтинге, распределим оценки, другие блага, выдадим дипломы с отличием? Нарушает ли конкретный вид мошенничества этот принцип справедливого оценивания — например, если студент на самом деле знает материал, и просто подглядывает в шпаргалку?

5. **Соответствие правилам** академического сообщества и правовым нормам. Помимо университета мошенничество запрещено и правовыми актами. В первую очередь то касается плагиата, поскольку это нарушение интеллектуальных прав.
6. Соответствие **коллективным интересам** академического сообщества или государства. Об этом чуть позже.
7. Соответствие **правилам приличия**. Например, преподаватель разрешает списывать, «только не в открытую». Я действительно встречала такое в интервью, в том числе у преподавателей Вышки. Списывайте, плагиатйте, но только, пожалуйста, не в открытую — здесь возникает интересный контекст формализованного взаимоуважения.

Понимают ли преподаватели, почему студенты списывают, обращаются к мошенничеству? Да, преподаватели неплохо понимают, в чем проблема. Впрочем, это было показано и в предыдущих [исследованиях](#).

Где возникает проблема?

Как преподаватели и студенты аргументируют моральную недопустимость — или, наоборот, допустимость мошенничества?

Основные аргументы против мошенничества известны:

1. При мошенничестве студент не получает необходимых знаний. Если мошенничать, не получится развить необходимые знания и навыки, чтобы стать специалистом.
2. Это нарушает принципы конкуренции внутри университетской среды. Менее знающие, менее достойные студенты получают высокие оценки.
3. Это вредит реализации высшего образования в целом. Студенты не получают должного образования, некорректно оценивается качество образования в целом и так далее.

Но в некоторых случаях аргументы студентов и преподавателей расходятся. Интересно взглянуть на эти расхождения.

Преподаватели часто возвращались к работе вуза и системы образования в целом. Вуз готовит специалистов, он должен справедливо их оценить, поддерживать конкуренцию (например, вести рейтинг), обеспечить лучшим студентам стажировки, академическую мобильность и так далее. Вуз должен дать диплом, который впоследствии способствует трудоустройству студента на рынке.

Студенты же, когда мошенничают, об этих системных вещах не думают. У мошенника нет ощущения, что своими действиями он разваливает высшее образование или мешает поддерживать конкуренцию внутри вуза. Наоборот, он думает, что пользуется этими инструментами конкуренции — например, сдав заказанное эссе, повышает свое место в рейтинге.

Здесь я вижу, что студенты не воспринимают вузовское образование как конкурентную борьбу за места на рынке труда. И когда преподаватели им рассказывают, что те конкурируют между собой, студенты это не воспринимают, не считают аргументом.

То же самое, например, если преподаватель говорит: «Если вы будете мошенничать, то не получите знания и навыки». Если студент не воспринимает курс как полезный, то аргумент нерелевантен. Скажем, я преподаю у юристов в лицее и говорю: «Если вы не напишете эссе, то не научитесь строить аргументацию». Казалось бы, это умение важно для юриста.

Но если студенты не считают, что навык аргументации связаны с моим курсом, то аргумент не имеет смысла — он нерелевантен. Так что даже когда у преподавателя есть аргументы против мошенничества, они не всегда стыкуются с тем, что думают студенты. Не факт, что эти аргументы подходят к реальности, которую видят студенты, с тем, как они воспринимают образовательный процесс.

Частично взгляды студентов и преподавателей не сходятся из-за разного понимания образовательных целей. Многие студенты посещают вуз ради диплома. Им не важны идеалы или интеллектуальные права, идеи академической честности или самостоятельности, «расширения кругозора».

Также — об этом говорили сами преподаватели — большую роль играет организация образовательной среды. Например, когда у студентов есть обязательные курсы, которые им читают и которые они не выбирали, получается, что содержание образования забирают из сферы ответственности студентов. И если те воспринимают образование как навязанный процесс, на который они не могут повлиять, который нужно пережить, перетерпеть, то, конечно, для них становятся нерелевантными аргументы против мошенничества.

Как сделать, чтобы позиции преподавателей и студентов здесь совпали — отдельный, серьезный вопрос.

Стратегия борьбы с мошенничеством

Как бороться с мошенничеством? Со стороны преподавателей все очевидно. Возникают подозрения, они собирают доказательства и применяют санкции. Преподаватели в целом были единодушны, что аннулируют работу, но не будут писать служебные записки и так далее.

Почему не письмо в деканат, дисциплинарное взыскание, отчисление и так далее? Несколько причин:

1. Говоря о борьбе с мошенничеством, преподаватели упоминают не только санкции. **Есть и другие способы борьбы:**
 - развитие внутренней мотивации,
 - перенос локуса контроля,
 - развитие умения самостоятельно писать различные работы,
 - развитие нормативной культуры вуза.

В некоторых случаях преподаватели выбирают другой способ реагирования, который лучше повлияет на студента.

2. Некоторые преподаватели считают, что **нужно не отчислять студентов, а исправлять их**, и для этого нужно, чтобы студент понял свою ошибку. В этом смысле отчислять – не первоочередное: может быть, нужно хорошо поговорить, рассказать про плагиат и почему это плохо, как правильно оформлять работу. Особенно это валидно для взаимодействия с первым курсом. К ним преподаватели всегда относятся лояльнее, поскольку студенты еще не знают правил цитирования.
3. **Не всякое мошенничество считается одинаково опасным.** Преподаватели используют разные критерии — к примеру, если преподаватель видит шпаргалку на устном экзамене, но потом студент отвечает, в том числе на дополнительные вопросы, то цель подготовки была достигнута. Соответственно, отчислять за это, кажется, как будто несправедливо.
4. **Нужно затрачивать слишком много усилий.** Об этой проблеме говорили все преподаватели: нужно собрать массу бумаг в короткий промежуток времени, предъявить их, потом пройти процедуру и не факт, что будет результат.

Один преподаватель рассказал, как обнаружил девушку-посредника в заказе работ — она не писала сама и не заказывала, по крайней

мере, ему не было это известно. Но было известно, что она сводит заказчиков и исполнителей, эта информация была чуть ли не общедоступна. Девушку вызвали на беседу в деканат, но не отчислили. Возник закономерный вопрос: зачем проходить все эти испытания, чтобы потом закончилось ничем?

Другой интересный пример: он отчислил студента, а тот восстановился и учится дальше. И он будет снова заниматься списыванием и плагиатом, и преподавателю придется снова его ловить. Конечно, у преподавателя появляется ощущение, что игра не стоит свеч».

Как видите, для преподавателей мошенничество не всегда кажется очевидно плохим и недопустимым. В том числе потому, что мошенничество бывает разное, и у людей отличаются представления о должном.

В целом кажется, что в борьбе с мошенничеством преподаватель заинтересован больше, чем вуз. Не все преподаватели встречают поддержку со стороны факультета и им не всегда понятно, ради чего бороться и прикладывать усилия.

Дискуссия

Дмитрий Текутьев

Как вы считаете, при каком формате экзамена чаще списывают — на устном или письменном? Считается, что письменные экзамены более объективны, на них меньше шансов списать; на устных же экзаменах используют перечисленные вами стратегии, например, наушники, и преподавателям сложно выявлять списывание. Что вы думаете?

Наталья Шейдякова

Вопрос в том, как проводится письменный экзамен. Например, разрешен ли выход в туалет, проводится ли экзамен целиком на компьютере и так далее.

То, что практически блокирует мошенничество — это совмещение нескольких форматов. Например, когда эссе нужно не только написать, но и защитить. Это позволяет понять, что человек понимает, о чем он написал.

На устном экзамене все зависит от преподавателя и того, что он хочет добиться. Если к устному экзамену преподаватель подходит гибко и пытается найти реальное понимание, то списать сложнее. Вообще, мне кажется, очень много связано с тем, чего хочет добиться преподаватель от студента, скажем так.

Дмитрий Текутьев

Существует «проблема безбилетника» («фрирайдера»), когда, к примеру, в групповом задании сложно оценить реальный вклад каждого участника группы. Какие-то студенты делают всю работу, а другие в принципе не делают ничего; оценка получается одна на всех. Как вы считаете, является ли это мошенничеством?

Наталья Шейдякова

Интересный момент. С одной стороны, умение договориться, организовать работу других — это тоже умение, которое неплохо бы развивать. Допустим, я убедилась включить себя в проект, организовала их работу и получила заслуженную восьмерку. В этом смысле групповые проекты, безусловно, бесполезны. Но в целом я согласна, что мы должны оценивать вклад каждого, включая его знания, навыки и усилия в проекте. В этом плане, мне кажется, групповые проекты не должны много весить в оценивании курса: они важны с точки зрения навыков, но их сложно оценивать, сложно отслеживать, кто какой вклад внес.

Дмитрий Текутьев

Наталья, вы говорили, что опрашивали разные факультеты и общались с разными респондентами. Как вы считаете, нужны ли повышенные требования к академической этике для студентов юридического факультета? Ведь это часть профессиональной этики юриста, и к тем, кто занимается правом, должны предъявляться повышенные требования в этом смысле.

Наталья Шейдякова

Здесь два момента. Во-первых, мне кажется, что для юристов проблема академической этики (именно в академическом контексте, в контексте исследований) стоит меньше, чем, например, у тех же социологов. На факультете социальных наук больше студентов занимается исследованиями, собирается дальше идти в науку. Для юристов — не уверена, насколько детали академической этики релевантны. Возможно, это может быть актуально в контексте перехода от академической этики к нормам права: ведь плагиат — это еще и посягательство на интеллектуальную собственность.

Во-вторых, у меня есть ощущение, что студенты воспринимают умение грамотно лавировать между правилами как фактор своей карьеры в юриспруденции. В смысле, что надо научиться понимать, что нужно соблюдать, а где можно проскакать. И это навык, которым они даже гордятся — одна девушка (заказчица работ) рассказывала мне, что у нее родители тоже юристы, и главное, чему они ее научили — что любую систему можно обойти. Если вы можете ее обойти, вы молодец. Для нее это в каком-то смысле легитимировало заказ работы — она увидела слабые места, брешь в системе. Она смогла ее обойти и это лишь подтвердило ее профессиональную квалификацию, умение обойти систему, вырулить.

Я не уверена, что такое восприятие характерно только для студентов-юристов, на факультете социальных наук я тоже с таким сталкивалась, например, у членов студсовета, которые знают правила и используют их в свою пользу. Но есть ощущение, что для студентов-юристов вопрос академической этики стоит иначе, чем для академического общества. Кажется, им даже нравится обходить систему.

Ольга Шепелева

У меня есть соображения, основанные на личном опыте: я общалась преимущественно со студентами-юристами.

Я не очень понимаю, как их можно замотивировать академической этикой. Хотя большинство тех, кого я видела, мотивировано получением профессии и приобретением каких-то важных профессиональных навыков, но академическая этика для них все равно

нерелевантна. Они не собираются быть исследователями, они не собираются быть частью этого академического братства, и для них, вероятно, нужно конструировать какую-то другую мотивацию, не связанную с принадлежностью к академии, принадлежностью к исследованиям.

Я использую в качестве учебных работ краткие эссе по теме, очень короткие, где требуется найти и обобщить релевантный материал и высказать свое мнение. Я обратила внимание, что многие просто копируют статьи из интернета, причем первые, которые вылезают по тематике. Это допустимо, но есть инструкция, где написано: рерайт и копипаст без ссылки — это плагиат, и вы получите ноль. И те студенты, кто внимательно прочитал инструкцию, ставят ссылки, заключают цитаты в кавычки.

И в этом году мне в рамках обратной связи написал один человек, что хорошо было бы иметь четкие критерии оценки письменных работ. Потому что на других курсах студенты сдавали такие же работы, так же выполненные, и почему-то никто им нулей не ставил.

Это подтверждает мое предположение: у преподавателей обычно нет ресурсов и мотивации, чтобы внимательно читать работы, искать в них краденые куски текста и соответствующим образом снижать оценки. Не говоря уже о какой-то развернутой обратной связи, обучению структуре текста, работе с источниками и так далее. Поэтому, когда студенты сталкиваются с этим, они сами оказываются удивлены.

Фактически это означает, что у студентов просто нет никакого действенного инструмента по работе с плагиатом. У них не формируются представления или хотя бы серьезные опасения, что их поймут. Преподаватели не могут уследить, не готовы, нет времени. Из-за этого студенты вообще не видят в плагиате проблемы.

У студентов-юристов, как мне кажется, есть и другие аспекты, которые делают процесс списывания для них совершенно нечувствительным. И это не связано с представлениями о честности и так далее.

У меня есть ощущение, что информацию, найденную в интернете, они воспринимают как некоторый public good, общий ресурс, который не важно кем произведен. Он уже есть в нашем распоряжении, и мы, соответственно, можем его свободно использовать. Мы оплатили доступ к мобильному интернету и можем пользоваться информацией, как водой из-под крана. Мы заплатили за водоснабжение и можем пить эту воду, мыть ей пол и так далее, делать все, что захотим.

Ценность производства новой информации при этом не до конца воспринимается. Аналогично нет понимания ценности источника информации, сравнительной ценности разных источников. Эта информация лежит — она уже есть, за нее никто не просит денег, поэтому мы можем ее взять и слепить все, что считаем нужным.

Возможно, следует еще поработать, исследовать, что они по этому поводу думают. На этом месте, может быть, получится сформулировать другие подходы к формированию внутренней мотивации, к объяснению, почему списывать нехорошо.

У юристов вместо академических стандартов есть профессиональный стандарт доказывания: позицию, которую юрист выдвигает, нужно обосновать ссылками на нормативные акты, прецеденты, на доктринальные источники. Возможно, стоит объяснить, что эти требования подходят к любому производимому юридическому тексту. В любом юридическом тексте нужно доказывать свою позицию, и в этом смысле ссылка — это инструмент доказывания. Мне кажется, до студентов это недостаточно четко доносят.

Дмитрий Текутьев

Нужно ли студента, который не планирует связывать свою жизнь с академией, не собирается становиться ученым, а готовится стать практикующим юристом, адвокатом, выступать в суде — нужно ли его настолько погружать в вопросы академической этики? Возможно, недобросовестные практики связаны не столько с отторжением своего выбора образования, не с потерей интереса к профессии или к дисциплине, а к тому, что студенту не интересен сам формат академической работы?

Ольга Шепелева

Особенно красиво, конечно, выглядит эта страсть к академическим работам на фоне постоянной риторики о том, что юридическое образование надо сделать практико-ориентированным. Вы сюда пришли не академический курс изучать, это практико-ориентированное образование — а теперь напишите пять академических работ.

Дмитрий Текутьев

Да, это переходит на все форматы обучения. Возьмем стандартный учебник по праву — любая тема начинается с того, какой ученый, какие дискуссии на эту тему, какие дефиниции даны, кто с ними согласен, а кто нет. Юристу, который хочет получить утилитарные, практические знания по предмету, это не нужно.

И это часть более широкой проблемы, связанной с выбором формата обучения. Мошенничество является в том числе следствием отсутствия выбора у студента; он является не субъектом, а объектом образовательного процесса, не может выбрать, что ему изучать и как.